

Джина Тафарелли:

Итак, мы отправились на завтрак. Мы шли окольным путем - более длинным, чем раньше, как мне показалось. В какой-то момент коридор открылся в большую комнату, одной из стен которой было огромное окно. Я поняла, почему мы там оказались, как только выглянула...

"Вау! Очень красиво, правда?" прокомментировал Джонни, его тон был тихим и благоговейным. Я была вынуждена согласиться; Земля была огромным шаром, висевшим в окне или иллюминаторе, или что бы это ни было.

"Ладно, я убеждена..." сказала я, через некоторое время, глядя на потолок.

"Ваше психическое здоровье, похоже, улучшилось, Джина Тафарелли", - сказал голос в воздухе.

Я кивнула. "Это было слишком, вчера... Вы один из этих ИИ-существ?"

"Подтверждаю. Нам предстоит еще многое, Джина Тафарелли. Вам предлагается обсудить свои вопросы с дочерью, чтобы быть должным образом подготовленной".

"Хорошо." Похоже, больше нечего было сказать...

Еще немного посмотрев в окно, мы закончили свой путь к завтраку. Там присутствовали обнаженные женщины - большинство из них были ужасно смущены. "Как долго...?" спросила я Джонни.

"Пару часов, максимум", - ответил он. "Они еще рано, но могу поспорить, что к обеду людей в одежде станет намного меньше..."

"Жаль, что я не сделала подтяжку бикини", - пробормотала я.

"Мы можем сделать это в Медицинском, мама", - заверила меня Мона. "Там мы, вероятно, потеряем нашу одежду, но они могут внести небольшие коррективы..."

"Так в чем же дело? Разве ты обычно не должна быть, ну, знаешь, привязана к кому-то, чтобы быть здесь?" спросила я.

"Да." Мона закусила тостом. "Мы были в особой группе - новые правила. Но в конце концов, мы должны быть куда-то приписаны".

"И что мы будем делать? Давать объявления о поисках?"

"Сейчас мы под защитой Джонни". Мона не смотрела на меня.

"Но?" спросила я. Казалось, что где-то оно есть.

"Мы можем оставаться под защитой Джонни", - объяснила Мона, - "но мы должны будем выполнять наши обязательства - с Джонни".

"Какие обязательства?"

"Завести детей".

"ЧТО?" Я задохнулась. "Это же инцест!"

"Да, якобы", - ответила Мона, по-видимому, безразлично.

"Никаких якобы! Это так!"

"Это чушь, мама - у нас были уроки по этому вопросу".

"Это научный факт!" возразила я.

"Нет, мама. Правило инцеста было установлено до того, как генетика стала наукой. В результате оно слишком общее. Чтобы обезопасить себя, они сказали: "Никогда не делай этого" - но это постоянно происходит с растениями и животными, и только если ты повторяешь это несколько раз, это становится проблемой. Если у вас есть дети с Джонни, это вряд ли будет проблемой. Если у Джонни будет маленькая девочка от тебя, а потом она забеременеет от него, у нее будет маленькая девочка, а потом она забеременеет от него, тогда это уже проблема. Но медицинская наука Конфедерации в любом случае может исправить практически все, так что вся эта история с генетической опасностью - полная чушь", - настаивала Мона. "Остается религия - но религиозная вещь пришла не от Бога, она восходит к общему запрету не делать этого, о котором мы уже говорили - они просто обернули это в мумбо-джамбо. Так что это чушь".

"Я не могу пойти на исповедь и сказать священнику, что у меня..." пробурчала я.

"Во-первых, тебе и не придется, мама - в колониях религия остается между тобой и Богом. Там есть все религиозные учебные материалы в мире, но нет церквей", - пробурчала Мона. "Во вторых - что ты знаешь об этом? Кому вы доверяете? Католикам? Они провели сотни и сотни лет, пытаясь превратить религию в империю - практически без сопротивления - и они использовали эту старую пилу: "Если такой-то и такой-то сказал это, это так же хорошо, как

если бы это сказал Бог". Только это не так, мама - если бы католики были правы, не было бы ни лютеран, ни методистов, ни баптистов, ни епископалов, если уж на то пошло. Все эти религии откололись от католицизма, потому что они пытались отделить религию от того дерьма, которое католики намотали на нее во имя политики!"

"Мона! Это ересь!" вспыхнула я.

"Что является прекрасным словом для "неполиткорректно"!" возразила Мона. "В Ветхом Завете сколько жен было у мужчин? Несколько. Почему, как ты думаешь? Потому что их забирали мор, болезни и роды, а тем, кто у них был, нужна была помощь в воспитании семьи! Как вы думаете, что мы здесь делаем? Мы пытаемся спасти СЕБЯ как вид! Если мужчина женился на молодой девушке с овдовевшей матерью, как вы думаете, что с ней стало? Что вы хотите поставить... ?"

"Так в чем же здесь замечательная сторона?" спросила я.

"Мы - семья. Разве вы не хотели бы остаться семьей?" Мона надавила. "Или ты предпочитаешь найти незнакомца и раздвинуть для него ноги?"

"Мона!" Я повернулась к Джонни, который все это время ничего не говорил, позволяя своей сестре вести разговор. Выражение его лица напомнило мне его отца - сильное, хищное. Он ждал - ждал, когда я разволнуюсь и совершу роковую ошибку. А может, он позволял Моне избивать меня, пока я не устану защищаться... Повернувшись к Моне, я спросила: "Что ты собираешься делать?"

Ее ответ заморозил меня на месте. "Это уже сделано. Прошлой ночью, помнишь? Джонни - мой хозяин".

"Ты уже завершила это?" Я задыхалась.

"Нет. Хочешь посмотреть?"

"Мона!" огрызнулся Джонни. "Ты здесь не для того, чтобы беспокоить маму - ты здесь, чтобы помочь!"

Мона пригнула голову и отвернулась. "Да, хозяин. Но она такая идиотка!"

"У нее есть свои убеждения", - ответил Джонни, укоряя. "Когда пойдешь на брифинг, убедись, что она слышит то, что ей нужно. У нас есть время". Его взгляд метнулся ко мне, и из его глаз выглянул отец. "Количество ограничено, но у нас есть время".

После этого мы ели в тишине.

Почти сразу после завтрака нас позвали в медицинский. Если бы я все еще отрицала, когда попала туда, мне было бы трудно продолжать это. Там был длинный ряд трубок - может быть, сотня - и медики в чем-то похожем на комбинезоны, и другие люди, многие из которых были обнажены. Я была рада всему, что было сделано, чтобы помочь мне за ночь. Медик взял у Джонни наши карточки САР и поднес их к щели в трех трубках. "Мона Тафарелли - связанная наложница. Есть изменения?" Медик спросил Джонни, а не Мону.

Джонни улыбнулся. "На данный момент нет. Раздевайся, Мона".

Мона разделась, прямо там, и посмотрела через плечо на своего брата. "Хозяин? Может быть, немного с попки?"

Джонни шагнул вперед и ОЧЕНЬ близко познакомился с сестрой, присев на корточки, чтобы пощупать ее задницу и бедра. Мне было ужасно стыдно, но, оглядевшись вокруг, я поняла, что, возможно, в этом нет ничего необычного - за исключением их отношений. "Задница в порядке, Мона, но ты близка к целлюлиту на внешней стороне верхней части бедра". Повернувшись к медику, он сказал: "Сбрейте немного". Он встал и обхватил грудь сестры сзади. "Может быть, немного подтянуть здесь, с поддержкой - ничего неестественного. Волосы... Если она собирается показать усы, позаботься об этом. Никаких волос на ногах или подмышках".

"Лобок?" - спросил медик.

Джонни встал на колени перед сестрой. "Раздвинь немного". Он взъерошил ее лобковые волосы. "Хмм... Повернись и наклонись..." Мона делала эти вещи так, как будто они были самыми естественными в мире... "Сделайте это более аккуратно на лобке, подровняйте его и сделайте равномерным, затем замедлите рост - но мне нравятся кустики. Мне нравится, как эти тонкие темные растут к ее отверстию, но они слишком длинные, так что верни их на место, чтобы они не тянулись или что-то в этом роде, когда она трахается. Поправь этот маленький разрыв на левой губе ее киски. О, и почини старый сломанный палец на ее правой ноге".

"Ты сделал это..." Мона с нежностью смотрела на своего брата - между ног. Это было... смущающе...

"Мне нравится, как они висят..." сказал Джонни сестре, ухмыляясь.

Мона передернула плечами так, что ее груди колыхнулись: "Спасибо, хозяин!"

"Вы двое..." Я чувствовала, что просто обязана что-то сказать...

"Эй, Тафарелли!" - крикнул кто-то через несколько трубок, - "Ты счастливый сукин сын! Стонущая Мона..." Джонни стоял, ухмыляясь от уха до уха, и, заложив руки за голову, качал ими в этом универсальном знаке победителя. "Ух-ху!!!" кто бы это ни был, он захопал. "Это мама? Срань господня, чувак! Ты благословлен!"

Я никогда в жизни не была так смущена!

Мона забралась в трубку и устроилась там, крышка закрылась, и медик повернулся ко мне.

"Джина Тафарелли, несвязанная наложница..." Он пожал плечами.

Мне было что сказать! "Это твоя сестра, с которой ты обращался как с призовой коровой!"

"Больше нет!" прорычал Джонни, его глаза были ледяными. "Она моя наложница - и если я хочу обращаться с ней как с призовой коровой, она будет телиться для меня - регулярно - и, возможно, производить молоко для моего стола! Она это понимает - почему бы тебе не сделать это?"

"Вот так, да?" Медик посмотрел на меня. "Жаль... Ну, если она будет настаивать, она найдет кого-нибудь довольно быстро - она горячая штучка".

"Я все еще надеюсь", - пробурчал Джонни, - "но она ТАКАЯ медлительная. Тем не менее, она, вероятно, там, где Мона получила свой ответ..."

"Да..." Медик посмотрел на свои дисплеи. "Довольно впечатляюще".

Джонни кивнул. "Папа был избирателен - и ценил это больше, чем интеллект. Ну, это сработало для Моны..."

"Джонни!" Было ясно, что меня оскорбили. "Я не просто конфетка для глаз!"

"Нет", - резко ответил Джонни, - "цифры говорят, что ты тоже трахаешься как норка". Он повернулся к медику: "Лично я не знаю, вы понимаете". Я просто стояла там, ошеломленная.

"Не очень понятно, как она разговаривает со спонсором..." Медик покачал головой. "Ничего не поделаешь, раз она не связана".

"Раздевайся, мама", - приказал Джонни.

"Я ХОЧУ..." Но я замолчала; в глазах Джонни снова был его отец.

"Заткнись и делай, что тебе говорят!" - огрызнулся он - но я уже сделала это. И это было прекрасно - интонация его отца, явная уверенность в его превосходстве... Если бы я еще не начала, я бы начала, в тот момент, почти рефлекторно. С его отцом следующее, что последовало, была пощечина с вытянутой рукой...

Я разделась, стараясь сохранить достоинство. Для своего возраста я симпатичная женщина, так что это было не так унижительно, как могло бы быть. Джонни поднял предупреждающий палец, стоя передо мной на коленях, и просунул руку между моих коленей, чтобы заставить меня раздвинуть ноги - но он не трогал меня иначе, не заставлял меня наклоняться и выставлять таким образом свою киску и задницу. "Ты можешь хотя бы подстричь ее, как я указал для Моны?"

"Да, это поверхностно. Но поскольку она не связана, поддержание здоровья - это все, на что мы можем пойти", - ответил медик.

"Ей ничего не понадобится, учитывая конкуренцию", - прохрипел Джонни. "Если она продолжит быть чертовой идиоткой, ее новый хозяин может делать, что хочет, но я думаю, я бы просто откатил ее на несколько..."

Я была зла - я была его МАТЬЮ, ради Бога! Но это был не мой маленький мальчик... Как будто его отец стоял там, очищенный от зла, которое лежало в основе его сильной личности. Джонни вступил в свои права - и я не смела ему возражать, мать или нет! Джонни смотрел на меня, не решающуюся наглубить - и он знал, что делать, если я наглублю, и я знала, что он тоже. "Залезай в трубу, мама".

Я залезла в трубку.

Когда крышка откинулась и я села, Джонни был в комбинезоне, а ИИ разговаривал с ним; я слышала разговор через воротник, который каким-то образом оказался у меня на горле. <Джон Тафарелли, ее психологическое состояние намного лучше, чем вчера. Похоже, у нее случился психологический срыв, когда она узнала, что ее извлекают, из-за нерешенного страха, что ваш отец может отомстить ей. Отдых и возможность проработать изменения восстановили ее психическое здоровье. Она покорна, как вы, несомненно, знаете - и вы избавили ее от хозяина.

"Каковы шансы, что она позволит мне заменить его?"

<Неясно. Если кто-то позволит, она вернется к своему прежнему образу мыслей; условия наложничества действительно устраивают ее. Но пока что многие из ее опорных точек разорваны - и она будет иррационально держаться за другие, пока не найдет новые, - ответил ИИ. <Она слушает>.

Джонни вздохнул. "Все это так просто... Но можно привести лошадь к воде..."

<Да, она упряма. Проблема инцеста не была решена должным образом - или, возможно, это просто дает ей повод для самообороны - в ущерб всем. Удачи, Джон Тафарелли.

"Спасибо." Джонни посмотрел на меня. "Пойдем, мама, ты задерживаешь прогресс".

"Я получу одежду?" спросила я, зная ответ, слезая с трубки. Я ожидала увидеть обрезки на лобке, но их не было, когда я их расчесала. Тем не менее, мой куст был намного опрятнее.

"Нет. Слава Богу, ты хорошо выглядишь - можешь держать голову. Просто представь, что ты в новом костюме в бассейне..." Джонни грубовато отнесся ко всему этому; он махнул Моне рукой и сказал: "Мы идем в разных направлениях. Позаботься о ней, Мона". Он посмотрел на меня и покачал головой. "Увидимся позже, если повезет".

Мне показалось, что если он не увидит кого-то из нас, то это буду я... "Пойдем, мама", - пробормотала Мона, ведя меня за собой. Голос ИИ прозвучал через мой ошейник: <Войдите в дверь слева... >

Мы последовали указаниям ИИ в комнату, которая была заполнена другими обнаженными женщинами. Пол был покрыт ковриками; каждая из нас заняла один, Мона устроилась рядом со мной, в центре, но чуть сзади. Заполнение комнаты заняло тридцать минут, а затем без предисловий ИИ начал давать нам инструкции по правильному поведению наложницы. Периодически он задавал вопрос; Моне, очевидно, было скучно, поэтому она стала излюбленной мишенью. "Разрешено ли тебе дать пощечину спонсору? Мона Тафарелли?"

"Нет", - ответила Мона.

"Каковы последствия?"

"Спонсор может предложить любое наказание, вплоть до смерти", - ответила Мона, как по заученному.

"Правильно", - ответил ИИ. "Ваша скука была очевидна. Очевидно, это результат эффекта повторения. Ваши успехи в учебе также очевидны, Мона Тафарелли. Вы можете покинуть комнату, если хотите".

"Я остаюсь ради мамы".

"Очень хорошо."

"Так вы все это знаете?" прошептала я.

"Мы проходили это в школе", - прошептала Мона в ответ. "У меня были одни пятерки по наложничеству".

"Точно..." Я вспомнил ее табель успеваемости - и задался вопросом, что такое "Наложничество". "Ты сказала, что это похоже на домашнюю экономику".

"Так и есть, для наложниц", - ответила Мона. "А еще это " Сексуальное образование".

"О?" Я смотрела на нее, мой разум был пуст.

"Обрати внимание..." шипела Мона. "Если ИИ выберет ТЕБЯ, тебе конец!"

Я споткнулась на трех неправильных ответах, а ИИ укорял меня за недостаток внимания, прежде чем передать Моне ответ, который, очевидно, был учебником.

За обедом я сказала: "У тебя это в порядке вещей".

"Я же говорила тебе, что у меня одни пятерки!" ответила Мона. "Ты бы лучше справилась, если бы спросила себя: "Что бы папа сделал со мной?" Это начало правильного мышления".

"Ты сказала, что все это - сексуальное образование?" надавила я.

"Мама, я отказалась от каждой из своих вишен, одной за другой, в классе, на глазах у тридцати других учеников. Каждый раз это были разные члены класса, которые занимались спонсорством", - ответила Мона.

" Ох..." Я была потрясена...

"Я, наверное, знаю о сексе больше, чем ты, несмотря на то, что у меня немного меньше практики", - добавила она. "Готова поспорить, что после обеда они кое-что рассказывают..."

Так и есть. Я узнала о пенисе то, о чем даже не подозревала. Я узнала о тонкостях минета, о которых даже не подозревала. Я узнала, что самые сильные и сочные оргазмы я испытывала на спине, прижав колени к плечам, пока Марко долбил меня из вертикального положения, потому что тупой кончик его изогнутого члена натирал мою точку G. Я поняла, что анальный секс, вероятно, был бы лучше для меня, если бы я выгибала спину. Но было и кое-что еще - то, что, как мне тогда показалось, было адресовано мне и только мне...

"Семейный секс, - начал ИИ, переходя к новой теме, - это, по определению, секс между членами семьи. Между детьми, проходящими половое созревание, и их родителями существует мощное притяжение. Дочери фантазируют о сексе со своими отцами, а сыновья - о сексе со своими матерями. Это нормально. Может быть и обратная ситуация - признание родителями того, что их ребенок достиг половой зрелости, может вызвать реакцию возбуждения. Во многих человеческих культурах существует табу против такого рода связей - табу, которое имеет как здоровые, так и нездоровые аспекты. Общее табу против практики, называемой "инцестом", было введено для предотвращения врожденных дефектов из-за повторяющихся случаев, когда родитель является отцом детей нескольких поколений своего потомства - или, реже, родитель-женщина, рождающая детей от нескольких поколений своего собственного потомства. В крайних случаях - а в некоторых ранних человеческих культурах существовали обряды,

освящавшие такие вещи - опасное генетическое усиление рецессивных генов вызывало врожденные дефекты и в целом плохое качество потомства. Однако табу является результатом непосредственного наблюдения за результатами скрещивания нескольких поколений и было введено задолго до того, как генетика стала наукой. В результате оно является неоправданным ограничением. Ограничения на скрещивание потомства в нескольких поколениях остаются разумными; однако скрещивание матери с сыном или отца с дочерью или между братьями и сестрами имеет низкую вероятность возникновения опасных проблем и может дать благоприятные результаты, как это бывает у любого вида.

"Еще два фактора делают табу неактуальным - доступность контроля рождаемости и медицинская наука Конфедерации. Практика контроля рождаемости делает генетические проблемы, связанные с семейным сексом, неактуальными, поскольку не будет никаких проблем от любого союза, а медицинская наука Конфедерации способна обнаружить и исправить генетические проблемы у плода, находящегося в матке матери, что опять же делает генетические проблемы неактуальными для всех практических целей. По этим причинам Конфедерация не признает табу на инцест - и семейный секс является жизнеспособной практикой на подавляющем большинстве миров-колоний.

"Половые связи с несовершеннолетними, - продолжал ИИ, - это еще одна проблема, связанная с семейным сексом. Конфедерация установила ограничения на инициированные спонсорами сексуальные отношения до наступления половой зрелости, чтобы не травмировать ребенка и не подвергать его эксплуатации. Однако обычные сексуальные эксперименты между детьми разрешены, и прилагаются все усилия, чтобы предоставить адекватную информацию тем, кто способен ее воспринять. Сексуальная активность, инициированная ребенком со спонсором, не поощряется и тщательно изучается, чтобы убедиться, что не произошло эксплуатации, но может быть разрешена при особых обстоятельствах. Законный возраст для людей в Конфедерации был тщательно установлен, чтобы гарантировать, что более девяноста пяти процентов населения действительно способны к деторождению. Законы, принятые для запрета эксплуатации в нескольких "цивилизованных" странах, нереалистичны, поскольку они запрещают сексуальную активность в целом в течение нескольких лет после полового созревания; изучение реалий показывает, что эти законы являются излишеством для своей цели. Подавляющее большинство людей УЖЕ участвовали в половом акте до своего восемнадцатилетия - и, следовательно, нарушили закон. Это делает такие законы неисполнимыми; они приносят больше вреда, чем пользы. После четырнадцатилетия, когда человек получает право на спонсорство или наложничество, ограничения на сексуальную активность снимаются во всех случаях, кроме исключительных. В возрасте от тринадцати до четырнадцати лет ограниченные сексуальные отношения со взрослым разрешены при наличии четкого согласия ребенка. Обычно это ограничивается оральным сексом, но может включать и другие действия, в том числе анальный секс - при этом должно быть продемонстрировано четкое понимание действия и разрешение на его проведение со стороны ребенка. Таким образом, для целей правоприменения Конфедерации, половой акт с несовершеннолетним определяется как секс между взрослым и ребенком младше тринадцати лет или секс без четкого разрешения ребенка в возрасте от тринадцати до четырнадцати лет - если только не существуют особые обстоятельства."

Кто-то поднял руку. "Что будет представлять собой особые обстоятельства?"

"Как и в случае со многими другими явлениями, существует "кривая колокола" для начала

человеческой сексуальности", - ответил ИИ. "Некоторые дети достигают половой зрелости в очень раннем возрасте. Есть тщательно задокументированный случай, когда ребенок родил полноценный плод в возрасте пяти лет и восьми месяцев. Этот ребенок был совершенно нормальным и прожил довольно типичную для того времени и медицинской помощи, доступной в месте его проживания, продолжительность жизни. Учитывая это, при некоторых обстоятельствах отказ от половой жизни для детей, созревших раньше срока, считается жестоким, и должны быть приняты специальные меры, чтобы обеспечить им приемлемый уровень участия. Для детей в возрасте до десяти лет это мало распространенная проблема, но правила ограниченной сексуальной активности для детей старше тринадцати лет являются признанием того, что в ожидании возраста, в котором девятью пять процентов людей способны к деторождению, значительное число достигнет этого раньше. Индивидуальные обстоятельства могут диктовать, что доступ к полноценной половой жизни должен быть ускорен. В этом случае к ребенку продолжают относиться как к таковому во всех сферах, кроме сексуального развития, а за его сексуальной активностью внимательно следят, чтобы убедиться в отсутствии эксплуатации. Сексуальная зрелость легко определяется во время медицинских осмотров, а мониторинг в большинстве колониальных учреждений является вездесущим; это делает целенаправленный мониторинг сексуальной активности менее чем сложным."

"Что все это значит - мониторинг?" - спросил кто-то еще.

"В колониальных мирах наблюдение ИИ вездесуще - это значит, что оно происходит практически сто процентов времени", - ответил ИИ. "Это является вопросом общественной безопасности и гарантирует, что человек защищен от преступного нападения, кражи имущества, травм или несчастных случаев, среди прочего. Многие среды колоний еще не идеальны для людей, поэтому необходим постоянный контроль за капсулами и соединительными туннелями. ИИ записывают почти все действия и подвергают их анализу; однако люди редко видят эти записи, если только не возникает угроза общественной безопасности. Наложник должен считать, что он или она находится под наблюдением сто процентов времени и вести себя соответственно - все, что меньше, несомненно, приведет к антисоциальному поведению, за исправление которого будет отвечать спонсор."

"Значит, ИИ будет наблюдать за тем, как я занимаюсь сексом?" - вспыхнул кто-то.

"Действительно. Для ваших целей, впрочем, это должно выглядеть так, как будто нас нет, поскольку это неизбежно. ИИ не вмешиваются, а человеческий секс не является порнографией для машинного интеллекта. Возможной пользой может быть возможность запросить ИИ о доступных улучшениях наблюдаемых сексуальных характеристик".

Многие из нас оглянулись друг на друга; это было тревожно. "Ответ на вопрос удовлетворил вас?" - спросил ИИ.

"Да", - кротко ответил спрашивающий.

"Продолжая, следует отметить, что семейный секс имеет свои преимущества. Молодой спонсор или наложница - или ребенок в особых обстоятельствах, как описано ранее - может вступить в

сексуальные эксперименты со взрослым или братом или сестрой, с которыми существует эмоциональная связь и доверие. Это улучшение по сравнению с моделью, действующей во многих местах на Земле, где молодые взрослые в невежестве и суевериях занимаются сексом друг с другом. Взрослый сможет помочь молодому человеку в его обучении в атмосфере уважения, доверия и терпения, передавая ему знания и опыт в процессе. Это может быть идеальной ситуацией, независимо от того, практикуется ли это между молодым человеком и взрослым родителем или братьями и сестрами. Там, где это уместно, могут применяться противозачаточные средства, чтобы предотвратить нежелательную беременность."

"А разве спать с сыном не вредно для здоровья?" - спросил кто-то.

"Это ссылка на психологическое состояние человека под названием "Эдипов комплекс"?" - спросил ИИ.

"Думаю, да".

"В подавляющем большинстве случаев у наложницы или спонсора, занимающегося сексом с родителем или братом или сестрой, есть и другие выходы. Например, в случае, который вы рассматриваете, у вашего спонсора есть разрешение по крайней мере на одну, а то и несколько дополнительных наложниц. Это, как правило, разбавляет любые психологические эффекты".

"О." Женщина замолчала.

"Продолжая, мы переходим к конкретным преимуществам наложницы, чей спонсор - родственник, который выбирает ее при отборе. Политика Конфедерации в отношении семейного секса позволяет спонсору извлечь любимого человека, которого он или она не смогли бы извлечь при обычных обстоятельствах, таким образом избегая чувства вины, покинутости и других неблагоприятных психологических реакций. Спонсору не приходится оставлять любимого человека позади, и наложница извлекается под защитой спонсора, заботящегося о ее интересах, а не постороннего человека, чьи цели могут быть несколько иными, чем ожидалось".

Так мы вернулись к тому, что Джонни извлек нас с Моной для нашей же защиты - но это все равно был инцест, и то, что ИИ сказал, что это нормально, не означает, что другие люди думают так же...

"Извините!" Сзади кто-то поднял руку.

"Говорите."

"Как часто это случается? Спонсор вытаскивает любимую, которая становится наложницей?"

"С некоторой регулярностью", - ответил ИИ. "В некоторых случаях спонсор только после

извлечения понимает, чему он или она и наложница обязались, но во многих случаях понимание достигается на месте. В случае с группой, с которой вы находитесь, таких случаев очень много - даже непропорционально много. Многие из них находятся в подвешенном состоянии, пока спонсор или наложница учатся справляться с последствиями. В этих случаях с наложницей обращаются как с незарегистрированной и инструктируют ее, чтобы она занималась деятельностью, свойственной незарегистрированным наложницам, например, создавала личную рекламу для просмотра и оценки другими спонсорами. Если эти ситуации не будут разрешены к прибытию "Валгаллы" в Нуево Анжелино через десять дней, наложницы будут изъяты из-под охраны спонсора и помещены в зоны содержания с другими незарегистрированными наложницами, ожидающими выбора спонсора в колонии. Считается, что это будет желание наложницы в этом вопросе, так как у наложницы и спонсора было несколько дней, чтобы разрешить ситуацию."

Значит, я была не одна... Насколько же я была идиоткой?

Позже, во второй половине дня, у нас была сессия вопросов и ответов с наложницей, которая утверждала, что была со спонсором год или два. Она была, ну, несколько раздраженной - и я боюсь, что усугубила это, спросив: "Послушайте, я слышу эти вещи об инцесте...".

Наложница наклонила голову и изобразила язвительную улыбку. "Это твоя дочь рядом с тобой, дорогая?"

"Да..." призналась я.

"Хорошо, тогда, - продолжала наложница, - либо твой бывший муж хочет окунуть свой фитиль в твою дочь, либо у тебя есть сын-подросток. Что именно?"

"У меня... есть сын..." ответила я, отводя взгляд и краснея.

"И у него хороший вкус, и он знает, что вряд ли у него получится лучше, чем у мамы и сестры, да?" - гоготнула наложница. "Слушай, я ЗНАЮ, что ты, вероятно, слышала длинный ответ от ИИ - и, как все ДРУГИЕ идиоты в этой комнате, ты притворяешься, что не слышала, потому что это не то, что ты хочешь услышать - поэтому я дам тебе короткий ответ: Нет ничего особенного!" Она откинулась на спинку маленького табурета, на котором сидела перед комнатой, и продолжила: "Там, откуда вы приехали, у них были определенные правила на этот счет, и они, казалось, имели смысл - но вас там больше нет, и они больше не действуют, и никто не скажет об этом ничего, кроме того, что назовет его счастливой собакой". Я с силой вспомнила инцидент, произошедший в Медицинском в то утро... "Так что сегодня вечером, - продолжала она, - если у тебя есть хоть капля здравого смысла, ты вернешься в хижину, где живешь, и встанешь на колени бок о бок в "Презентации три", посмотришь через плечо на него своими большими карими глазами и скажешь: "Давай, Большой мальчик!" - и узнаешь, что ОН получил сегодня в Медицине, - и все будут жить долго и счастливо..."

Я уверена, что мое лицо было красным в течение десяти или пятнадцати минут...

Ужин был напряженным. Было много людей - в основном женщин, но были и мужчины - в состоянии стресса, и я была среди них. Мона, напротив, была хладнокровной, спокойной и собранной. Джонни почти не разговаривал со мной; было видно, что он испытывает отвращение.

Вернувшись в нашу каюту, Джонни сказал: "Мама, тебе нужно пойти в соседнюю комнату и заняться своим личным объявлением. В сложившихся обстоятельствах я мало чем могу тебе помочь. Мона..." Он махнул ей рукой, чтобы она помогла.

Я сделала три попытки - и они были ужасны. Я не могла найти девяносто секунд, чтобы хоть что-то сказать, и тут мне в глаза ударило то, о чем я просила. По сути, это было: "Пожалуйста, посмотрите на меня и подумайте, хотите ли вы оставить меня рядом, чтобы трахать". Это было ужасно неловко! Комментарии и предложения Моны не помогли; она продолжала говорить что-то вроде: "Начни с первой презентации! Покажи им, что у тебя есть! Скажи им, какой сексуальной ты была в восемнадцать, чтобы они начали думать о том, чтобы отбросить твой возраст! Скажи им, что ты делаешь глубокую глотку - ты ведь делаешь, не так ли? Тебе нравится анальный секс? Не забудьте сказать об этом! Повернись и дай им Презентацию Три! Пусть увидят!"

Через тридцать минут я сдалась и заплакала.

<http://tl.rulate.ru/book/249/11147>